

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. П. Громов

ТРОПА К ЧЕХОВУ

АНТОН

КАШТАНКА

ПАЛАТА

СБОРНИКЪ
"НИВЫ"
ЗА 1903 Г.

ЧЕХОВЪ

есы

ИНЪ.

Чеховъ.

ЯДЯ ВАНЯ.

изъ деревенской жизни.

Школьная библиотека (Детская литература)

Михаил Громов

Тропа к Чехову

Издательство «Детская литература»

2004

Громов М. П.

Тропа к Чехову / М. П. Громов — Издательство «Детская литература», 2004 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Биография великого русского писателя, основанная на серьезном анализе его творчества и дополненная архивными фотографиями, воспоминаниями близких и современников, открывает новые грани жизненной и писательской судьбы А. П. Чехова.

© Громов М. П., 2004
© Издательство «Детская литература», 2004

Содержание

Предисловие	6
Краткая летопись жизни и творчества А.П. Чехова	8
Таганрог	10
Москва	13
Путешествие в детство	20
Путешествие на Сахалин	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

М. П. Громов
Тропа к Чехову
Документально-художественная книга
о жизни и творчестве А. П. Чехова

© Издательство «Детская литература». Оформление, 2004

© М. П. Громов. Текст, наследники

Предисловие

Заслоненный монументальными романами своих великих предшественников – Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, – А. П. Чехов долгое время казался писателем камерным и, в сущности, не таким уж большим. В юности его крошечные сценки и юмористические рассказы печатались в так называемой малой прессе, в юмористических журналах, а эти издания никто в России всерьез не принимал. Писал он ярко, свежо и смешно – такие вещи, например, как «Хирургия», «Живая хронология», «Неосторожность», «Налим», «Сапоги», «Лошадиная фамилия», вошли в золотой фонд нашей литературы, но тогда и смех ставился ему в укор: если смешно, так уж, наверное, несерьезно. А нужно было писать серьезно. «Вам хорошо теперь писать рассказы, – сказал Чехов И. А. Бунину незадолго до своей смерти, – все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали... Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...»¹

И позднее, когда выходили в свет «Степь», «Черный монах», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой» – все, что в наши дни с таким успехом ставится на театральной сцене, на телевидении и в кино, – Чехов оставался автором очередного рассказа, очередного небольшого сборника, словно бы специально рассчитанного на занятого и нетерпеливого читателя, – «Пестрые рассказы», «Хмурые люди», «В сумерках», «Детвора»... Полторы-две сотни страничек, редко больше; это смущало людей, привыкших к долгому, созерцательному чтению, к великим пространствам русского романа, где было такое множество героев, такое обилие трудных общественных вопросов и проблем.

«Уж очень коротко пишешь, ей-богу. Не говорю уже, как редко! Ведь это хвостик, этюд. И так читать почти нечего, а тут набредешь на что-нибудь живое, чуть разлакомишься – хлоп, конец», – писал Чехову артист и режиссер Малого театра А. И. Сумбатов (Южин) 24 августа 1898 года, прочитав «Человека в футляре» – рассказ, который в наше время едва ли кому-нибудь покажется коротким. Так постепенно, от одного чеховского рассказа к другому, менялся читательский вкус...

Первое собрание сочинений Чехова, в котором не было и половины того, что он написал за свою жизнь (вышло в книгоиздательстве А. Ф. Маркса в 1899–1902 годах), удивило современников своим, как писали тогда, неожиданно и невероятно большим объемом – в нем было десять полновесных томов. Позднее, в 1912–1916 годах, сестра писателя издала его письма – тоже не многим более половины эпистолярного наследия Чехова, но все же целых шесть томов, до пятисот страниц в каждом. Стало выясняться, что в полном объеме собрания своих сочинений Чехов – писатель далеко не камерный и не маленький: он равен Достоевскому и Тургеневу, значительно превышает Гончарова, Лескова, Писемского и уступает только Л. Толстому, равных которому в нашей литературе нет.

Современное Полное собрание сочинений и писем Чехова – это тридцать томов, в которых собрано около шестисот рассказов и повестей, шестнадцать пьес, четыре с половиной тысячи писем. Академический тридцатитомник оказался самым многотиражным из всех научных изданий, выпущенных в мире за все времена.

Чехов, так и не написавший романа, создал нечто большее: множество рассказов, связанных единством тематики и стиля, целостное повествование о русской жизни, заместившее старый и, как думалось в ту пору, переживший себя роман. Появился не «новый жанр», а, в сущности, новая литература без романа, и понадобились десятилетия, чтобы это понять (см. высказывания Л. Толстого, М. Горького, Т. Манна, Дж. Пристли в главах «Воспоминания современников» и «Зарубежные писатели о Чехове»).

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 182.

Но вместе с тем возникли и новые трудности: что выбрать из этого почти необъятного повествования, какую часть его, какой рассказ предпочесть всем остальным? Ведь от этого и зависит понимание Чехова: простой подборкой подходящих по содержанию рассказов можно обосновать любую заранее заданную идею или предумышленную концепцию, как это уже и бывало в литературоведении и в прежние годы, и в наши дни.

Чаще всего – особенно в школе – говорят о критическом реализме, о том, что Чехов обличал (или «бичевал») лихоимство, угодничество, лесть, предательство, ложь. Это, разумеется, так, но ведь это не все: кто же в России не разоблачал угодничество и лихоимство и был ли у нас хоть один писатель, утверждавший, что взятка облагораживает, лесть возвышает, а ложь очищает душу? Для такого рода «обличений» вовсе не нужно быть Чеховым.

При таком подходе утрачивается главное: сады и степи Антона Чехова, его Россия, его мудрость, лирика, чувство истории, чувство родной земли...

«Вообще Чехова понимают очень плохо, – заметила еще в 1922 году английская писательница Кэтрин Мэнсфилд. – Его все время рассматривают под каким-нибудь одним углом зрения, а он из тех, к кому нельзя подходить только с одной стороны. Нужно охватить его со всех сторон – увидеть и почувствовать его целиком».

Эта книга задумана как введение к Чехову. В ней собран разнообразный, в том числе и справочный, материал, помогающий освоиться в его обширном художественном мире, в его жизни, не столь уж богатой событиями и внешне очень простой, в том, как эволюционировало и менялось отношение к его творчеству на протяжении нескольких десятилетий в России и за рубежом.

Краткая летопись жизни и творчества А.П. Чехова

В этом разделе читатель найдет краткую летопись жизни и творчества Чехова, одного из великих классиков русской литературы XIX века. Поль Валери, поэт и филолог, академик, один из тех, кого во Франции называют «бессмертными», выделил в истории мирового искусства три великие эпохи: античность, Возрождение, русская литература XIX века. Отсюда признание, которое сопутствует Чехову в цивилизованном мире. Отсюда же и особое внимание к его жизни и творческой биографии, в которой было немало неясностей и своеобразных белых пятен.

Чехов родился в 1860 году (через год в России было отменено крепостное право) и умер в 1904-м (через год началась первая русская революция). Он был потомком людей, по закону освобожденных, но по своим обычаям и складу души все еще крепостных.

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости, – писал он А. С. Суворину 7 января 1889 года. – Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись и одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Герой одного из поздних и едва ли не самых известных рассказов Чехова говорит: «Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?» («Человек в футляре»). Возвращаясь к языку старой русской критики, к высокому слогу Белинского, где столь уместны слова «пророк», «пророчество», «пафос», следовало бы сказать, что подлинный пафос чеховского творчества сосредоточен в этой надежде: он был последним в классической русской литературе пророком нашей свободы – личной, душевной, общественной.

Он жил во времена глубочайших сдвигов в вековечном укладе российского бытия, когда законы государства, авторитет отцов, моральные прописи Церкви утрачивали власть над людьми и в хаотическом брожении жизни трудно было понять, как сложится завтрашний день. Перед лицом меняющейся действительности люди терялись, и эта потерянность отозвалась в бесконечных исканиях героев Льва Толстого, в жестоких психологических надрывах Достоевского: «Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм...»²

Время Чехова – это время великих научных открытий, обращенных в будущее и надолго опережавших свой век. Никакого практического смысла не имели и мало кому были в те времена понятны неевклидова геометрия Н. И. Лобачевского, тем более космогонические теории К. Э. Циолковского, как, впрочем, и Периодическая система Д. И. Менделеева, который пророчески говорил, что топить печи ассигнациями несравненно выгоднее, чем нефтью. Ему не верили, слова его казались парадоксом ученого чудака.

Тогда же и чеховский доктор Астров нарисовал свою карту, о смысле которой мы догадываемся только теперь. Сто лет тому назад на русских реках не было ни одной электростанции, никто и слыхом не слыхивал о кислотных дождях. «Русские леса трещат под топором...» Но топор не бульдозер, не самосвал, не лесоповальные машины, которые подхватывают ствол

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 2. С. 329.

своими мощными механическими руками и срубают дерево, как былинку, превращая таежную чащобу в пустырь. Правда, в лесах уже были проложены просеки железных дорог, по современным меркам – игрушечных, а в топках локомотивов сжигались береза, лиственница и сосна.

Тихо было в мире в те далекие времена: не было самолетов, метро, трамваев, троллейбусов, ни даже этих слов – «авиация», «космос». Не было страшных, леденящих душу кадров видеохроники: стаи белоснежных птиц в разливах мазута и нефти на Балтике; скандинавские шхуны на Северном море, отравленном миллионами кубометров бросовых вод; рыба с полусгнившими плавниками, незрячая, негодная в пищу; светлоглазые дети, теряющие волосы от неведомого недуга. Во всей России погибла в те времена одна-единственная чайка: «В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю...»

Создавая карту Астрова, эту гигантскую экстраполяцию в будущее, Чехов, как Менделеев и Циолковский, опередил свое время на целый век.

При составлении летописи были учтены разыскания, выполненные составителем этой книги для академического Полного собрания сочинений и писем Чехова. Впервые указываются время и место первой чеховской публикации и псевдоним писателя, тоже, по-видимому, самый первый, остававшийся неизвестным в течение долгих лет: Юный старец. Приводятся документы, обнаруженные в архивах московской цензуры, которые проясняют судьбу первого сборника Антоши Чехонте, не вышедшего в свет («Шалость», 1882). Важнейшее значение имеет датировка пьесы «Безотцовщина» (в кино была поставлена под названием «Неоконченная пьеса для механического пианино»). Этой пьесой (1877–1881), предназначавшейся для М. Н. Ермоловой и отвергнутой в Малом театре из-за непомерно большого объема и несценичности, Чехов и начинал свой творческий путь.

Таганрог

1860

17(29) января. Родился Антон Павлович Чехов, третий сын П. Е. Чехова (1825–1898) и Е. Я. Чеховой (урожд. Морозовой; 1835–1919).

Семья Чеховых жила тогда в Таганроге, на Полицейской улице. Дом сохранился до наших дней.

И. А. Бунин впоследствии писал:

«Мы сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах.

– Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слышали такое звание?

– Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

– Можно переписать его?

– Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви: «1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна; восприемники: таганрогский купеческий брат Спиридон Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Сафьянопуло жена».

– Купеческий брат! Удивительное звание! – никогда не слышал!

В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 генваря.

Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (из Ялты. – М. Г.) 16 января 1899 г.: «Сегодня день моего рождения, тридцать девять лет. Завтра именины, здешние барышни и барыни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон.

1867

Антон и Николай Чеховы отданы в приготовительный класс греческой приходской школы; отец хотел, чтобы сыновья стали купцами.

«Сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки, которые сорили деньгами и корчили из себя аристократов, и у отца составилось твердое убеждение, что – детей надо пустить именно по греческой линии и дать им возможность закончить образование даже в Афинском университете» (М. П. Чехов).

1867–1875

Братья Чеховы постоянно пели в церковном хоре; руководил этим хором их отец.

1868

Антон был определен в приготовительный класс 2-й Таганрогской мужской гимназии.

1869–1879

Учеба в гимназии.

Много сил и времени отнимала бакалейная лавка отца, где нужно было присматривать за порядком, обслуживать покупателей. В 3-м и 5-м классах Антон оставался на второй год из-за отставания по арифметике, географии и греческому языку.

Вместе с братьями Иваном и Николаем обучался портняжному и переплетному ремеслу в ремесленном классе при таганрогском уездном училище.

На каникулах бывал в деревне Княжей у дедушки Е. М. Чехова, управляющего имением графа Платова, в других богатых имениях и на хуторах под Таганрогом.

1873

Осень. Впервые посетил театр, где в тот вечер шла оперетта Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена»; началось сильное увлечение театром.

1873–1874

Задумал переделать в трагедию повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

1874–1875

Вместе с братьями Антон устраивал домашние спектакли, особенно удачно исполняя комические роли стариков и старух. В «Ревизоре» играл Городничего. Сам придумывал и ставил комические сценки.

1875–1876

Составлял юмористический рукописный журнал «Заика», писал для него сценки из таганрогской жизни. Было выпущено несколько номеров журнала, но ни один из них не сохранился.

1876

23 марта. В Таганроге открыта городская библиотека. Антон записался в начале 1877 года и стал частым ее посетителем.

23 апреля. П. Е. Чехов, признавший себя несостоятельным должником, тайно уехал в Москву: он не выдержал конкуренции с более оборотистыми и ловкими торговцами. Судьба его была глубоко типичной. «Множество промышленных и торговых заведений закрылось, – писали позднее в газете «Порядок», – и хозяева их выехали в другие места или же остаются без дела, испытывая разные лишения... Тогда как в других городах жалуются на недостаток и дороговизну квартир, у нас множество жилых помещений остаются пустыми, и банки не находят покупателей на заложенные и не проданные в срок дома. Вот уже несколько лет не видно никаких построек, и даже дома, начатые постройкою, остаются не оконченными...»

25 июля. Покинула Таганрог Е. Я. Чехова с младшими детьми – дочерью Марией и сыном Михаилом.

В доме, доставшемся Г. П. Селиванову, жили теперь только Антон и Иван.

За угол и стол Антон занимался с племянником Селиванова, Петей Кравцовым, готовя его к поступлению в юнкерское училище. Продавал домашний скарб, а вырученные деньги посылал в Москву родителям. Осенью 1876 года уехал Иван.

1876–1877

Писал сценки и очерки для гимназического журнала «Досуг» (не сохранились).

Первый известный нам автограф Чехова – классное сочинение «Киргизы».

1876–1879

Жил один в чужом доме. В последних классах гимназии учился успешно, зарабатывая на жизнь уроками.

1877

Март – апрель. Чехов впервые в Москве; здесь он провел пасхальные каникулы.

4 марта. В московском юмористическом журнале «Будильник» – ответ, вероятно адресованный Чехову: «Не будут напечатаны: стихотворения... Крапивы». Крапива – один из множества ранних псевдонимов Чехова, которым он воспользовался, по-видимому, лишь один раз.

Ноябрь. Послал брату Александру Павловичу в Москву для журнала «Будильник» юморески. (Две из них Ал. П. Чехов отправил в журнал; напечатаны не были.)

1877–1878

Написал большую драму «Безотцовщина», пьесу «Нашла коса на камень» и водевиль «Не даром курица пела».

1878

В петербургском юмористическом журнале «Стрекоза» появились первые публикации Чехова с подписью «Юный старец»: короткие стихотворения «Актерам-ремесленникам», «Разочарованным» и сценка «Кому платить».

Стихотворения отличались краткостью и простотой; в сценке «Кому платить» действовали старшие братья Чехова, Александр и Николай. Сюжет ее, всего вероятнее, был почерпнут прямо из их студенческого быта.

И стихи, и сценка, и особенно псевдоним Юный старец, бывший, нужно думать, обычным семейным прозвищем Антона, – все это весьма характерно для таганрогского («лицейского») периода его жизни. «А. П., будучи тогда гимназистом... спал под кушей посаженного им дикого винограда и называл себя «Иовом под смоковницей». Под ней же он писал тогда стихи... В то время А. П. вообще предпочитал стихи прозе, как, впрочем, и всякий гимназист его возраста» (М. П. Чехов). Старший брат в письмах 1876–1879 годов обращался к Чехову так: «Глубоко почитаемый отче Антоние», «О пресловутый... великомудрый... глубокопочтенный... достоноклоняемый отче». Чехову была близка стилистика молчаливой сосредоточенности и затворничества. «Если я пойду когда-нибудь в монахи (у меня есть склонность к затворничеству), то буду молиться за Вас», – писал он А. С. Суворину 19 мая 1892 года. Всегда, со времен Юного старца, жила у него эта мечта: «Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре, посреди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке у монастырских ворот». Он был крещен в честь легендарного пустынноика святого Антония; «старец» – обычная его подпись в письмах к родным и друзьям.

14 октября. В письме Ал. П. Чехова – отзыв о присланных братом пьесах: «Безотцовщина» и «Нашла коса на камень».

1879

Начало апреля. Писал младшему брату Михаилу в Москву: «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки... Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частях)... Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти «Фрегат Паллада» Гончарова».

Лето. Чехов успешно закончил гимназию. Получив стипендию для учебы от таганрогского городского управления (25 рублей ежемесячно), поступил на медицинский факультет Московского университета.

Москва

Послал в «Будильник» и «Стрекозу» свои новые юморески: «Скучающие филантропы» (не сохранилось) и «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху», в котором был знаменитый афоризм, навсегда оставшийся в русском языке: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

1879–1881

Переписывал и переделывал драму «Безотцовщина», надеясь поставить ее в Малом театре в бенефис М. Н. Ермоловой.

Пьеса не была тогда ни поставлена, ни напечатана. Опубликована лишь в 1923 году. Рукопись пьесы находится теперь в ЦГАЛИ (Москва). Заглавный лист не сохранился. На первой странице – карандашный черновик письма к М. Н. Ермоловой. Карандаш стерся, и теперь лишь с большим трудом удается прочитать слова: «Уважаемая Мария Николаевна... Не пугайтесь. Половина зачеркнута. Во многих местах... нуждается еще... Уваж. А. Чехов».

Это обращение Чехова, тогда безвестного студента-первокурсника, к первой актрисе России представляется настоящей загадкой. Знаком он с Ермоловой до 1890 года не был, театральных порядков и нравов не знал. Просмотр и оценка рукописей начинающих драматургов никогда не входили в круг обязанностей примадонны, поэтому трудно думать, что Ермолова «видела» или читала пьесу. Это сделал некто чином помладше – помощник режиссера или кто-нибудь из тех, кого теперь называют в театрах «литературными консультантами». Можно представить себе, что сказал юному драматургу этот безвестный человек, перелиставший огромную (около 10 печатных листов!), испещренную бесчисленными ошибками и поправками, неудобную для постановки рукопись. Чтобы сыграть ее от начала до конца, нужно было вывести на подмостки всю труппу Малого театра, спектакль длился бы не менее восьми часов, и, что всего плачевнее, все женские роли в пьесе были главными, но ни одна из них не годилась для Ермоловой!

Чехов получил, по-видимому, очень тяжелый урок, о котором он, возможно, и говорил В. С. Миролюбову в 1903 году: «Этого свинства, которое со мной было сделано, забыть нельзя... Слишком много было тяжелого... Да знаете ли вы, как я начинал?..»

В пьесах Чехова М. Н. Ермолова никогда не играла и по-настоящему оценила их лишь с появлением Художественного театра. О. Л. Книппер писала Чехову о «Трех сестрах» 17 февраля 1903 года: «Была Ермолова, прислала в уборную каждой сестры чудесные майоликовые вазы с цветами... Была за кулисами, восторгалась игрой, говорит, что только теперь поняла, что такое – наш театр. В 4-м акте, в моей сцене прощания, она ужасно плакала и потом долго стоя аплодировала».

На сцене мирового театра первая пьеса Чехова появилась в конце 1920-х гг. и шла в крупнейших театрах Европы и Америки под различными названиями: «Платонов», «Русский Дон-Жуан», «Дикий мед». В 1977 году Н. Михалков поставил на ее основе фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино».

1880

В журнале «Стрекоза» напечатано 10 рассказов и «мелочишек» Чехова, в том числе «Письмо к ученому соседу», «Каникулярные работы институтки Наденьки N», «Папаша», «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь», «За яблочки».

6–8 июня. Пушкинские празднества в Москве. 6 июня был открыт памятник Пушкину; он создавался на пожертвования, всенародно копившиеся в течение двадцати лет, и был установлен на Тверском бульваре почти точно напротив того места, на котором находится теперь. 7 и 8 июня в зале Благородного собрания – ныне это Колонный зал – в память о Пушкине прозвучали свои речи Тургенев и Достоевский. Это были единственные вечера, когда Чехов мог

видеть и слышать их. Сохранились рисунки Н. П. Чехова, связанные с открытием памятника, – своеобразный образец графического репортажа, особенно удававшегося Николаю. О пушкинских празднествах Чехов писал в Таганрог. Письма до нас не дошли, но сохранился отзыв М. Е. Чехова: «Сегодня получил от милого Антоши письмо, читая которое я прослезился. Я сам люблю великого Пушкина, а Антоша изобразил самое жалостное в жизни – несчастную смерть его».

7 декабря. В газете «Минута» появился рассказ «Жены артистов».

1881

Продолжал сотрудничать в «Будильнике», напечатав там рассказ «Петров день», и в новом московском журнале «Зритель» («В вагоне», «Суд», «Грешник из Толедо» и др.).

Часто работал вместе с братом Николаем, который иллюстрировал юморески, сценки и рассказы.

В редакции журнала «Будильник» познакомился с писателем В. А. Гиляровским.

1882

Печатался в журнале «Москва» («На волчьей садке», «Забыл!!», «Встреча весны», «Зеленая коса», «Барыня» и др.); «Будильник» (повесть «Ненужная победа» – пародия на переводные романы венгерского писателя М. Йокая, «Жизнь в вопросах и восклицаниях», «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя» и др.); «Свет и тени» («Сельские эскулапы», «Скверная история» и др.); «Спутник» («Пропавшее дело», «Двадцать девятое июня», «Который из трех?»); «Мирской толк» («Два скандала», «Барон», «Живой товар», «Цветы запоздалые» и др.). Всего – 32 публикации.

Летом собрал и отредактировал лучшие свои рассказы, чтобы издать отдельной книгой. По архивным документам удалось установить ее название – «Шалость» – и ее судьбу, оказавшуюся драматической.

Книга, включающая 12 рассказов, с прекрасными рисунками Н. П. Чехова, в свет не вышла: она была запрещена московской цензурой. Сохранилось лишь два неполных корректурных оттиска. Увидеть их можно в Музее А. П. Чехова в Москве. В архиве московской цензуры был обнаружен неизвестный автограф Чехова (прошение от имени московской типографии Н. Коди).

В конце года послал свои рассказы в петербургский юмористический еженедельник «Осколки». Началось сотрудничество с издателем журнала, популярнейшим в те годы юмористом Н. А. Лейкиным.

1883

Январь – апрель. Проходил медицинскую практику в клинике детских болезней.

3 февраля. Н. А. Лейкин в письме отозвался о рассказе «На гвозде»: «Это настоящая сатира. Салтыковым пахнет».

Начало февраля. Написал Ал. П. Чехову, что «становится популярным» и «уже читал на себя критики». Медицина тоже шла успешно: «Умею врачевать и не верю себе, что умею...»

5 февраля. В № 6 «Осколков» напечатаны два рассказа («Роман адвоката», «На гвозде») и две подписи под рисунками на темы А. Чехонте.

В течение всего года Чехов печатался в журнале почти еженедельно.

13 мая. В письме к Ал. П. Чехову: «Мои рассказы не подлы и, говорят, лучше других по форме и содержанию, а андрюшки дмитриевы возводят меня в юмористы первой степени, в одного из лучших, даже самых лучших; на литературных вечерах рассказываются мои рассказы».

Лето. Каникулы провел в Воскресенске, где И. П. Чехов служил учителем. Работал в Чикинской земской больнице.

Конец июля. Начал вести по предложению Лейкина фельетонное обозрение «Осколки московской жизни». Работа продолжалась до октября 1885 года.

Июль. Посылая рассказ «Трагик», сетовал в письме к Н. А. Лейкину на вынужденную краткость: «Пришлось сузить даже самую суть и соль... А можно было бы и целую повесть написать...»

Август – сентябрь. Написал для альманаха «Стрекоза» большой рассказ «Шведская спичка», в котором пародировались коллизии «Преступления и наказания» и упоминался Достоевский.

Проходил медицинскую практику в московских клиниках. Писал зачетные работы – истории болезней.

Сентябрь. В память об И. С. Тургеневе написал рассказ «В ландо».

1 октября. В «Осколках» появился рассказ «Толстый и тонкий».

8—12 октября. Знакомство и встречи с любимым писателем – Н. С. Лесковым. Лесков благословил Чехова на литературную деятельность: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши», – и подарил ему свои книги.

В 1883 году в журналах и газетах под разными псевдонимами – А. Чехонте, Человек без селезенки, Брат моего брата и др. – напечатано 134 рассказа, юморески и фельетоны Чехова, в том числе «Кривое зеркало», «Ушла», «В циркульне», «Баран и барышня», «Размазня», «Умный дворник», «Загадочная натура», «Верба», «Вор», «Случай с классиком», «Смерть чиновника», «Злой мальчик», «Дочь Альбиона», «Осенью», «В Москве на Трубной площади», «В море», «В рождественскую ночь».

1883–1884

Чехов посетил в университете лекцию профессора В. О. Ключевского и «ушел с ощущением человека, внезапно наделенного новым чувством. Этим новым чувством было чувство прошлого».

1884

22 января. В письме Н. А. Лейкину критика «Осколков»: «Сушит их... многое множество фельетонов».

Май. Составил сборник «Сказки Мельпомены» – шесть рассказов о театральном мире: «Жены артистов», «Он и она», «Трагик», «Два скандала», «Барон», «Мечь».

В июне книга А. Чехонте вышла в свет в Москве в типографии А. А. Левенсона.

В газете «Театральный мирок» и журнале «Наблюдатель» – сочувственные отзывы: «Все шесть рассказов написаны бойким живым языком и читаются с интересом. Автор обладает несомненным юмором».

Газета «Новороссийский телеграф» поместила положительную рецензию однокашника Чехова, П. А. Сергеевко. В «Новом времени» – критическое замечание московского фельетониста А. Д. Курепина: «Напрасно Антоша Чехонте увлекся нашептываниями Мельпомены. Лучше бы ему обратиться к самой жизни и черпать в ней полную горстью материалы для всевозможных рассказов, и веселых и печальных».

Июнь. Закончил медицинский факультет Московского университета. Получил степень лекаря и звание уездного врача. В архивах Московского Императорского университета сохранились экзаменационные ведомости, свидетельствующие о том, что Чехов учился успешно: за первый курс, например, на пятерки сдал экзамены по ботанике, зоологии, химии, энциклопедии медицины, на четверки – по физике, минералогии, немецкому языку; единственную удовлетворительную оценку ему поставили по анатомии. За все годы своего студенчества Чехов получил еще лишь одну тройку – по теоретической хирургии на третьем курсе. Пятерок в ведомостях гораздо больше, чем четверок.

У И. И. Левитана познакомился с М. В. Нестеровым, впоследствии известнейшим русским художником.

Лето. Жил в Воскресенске. Работал в местной сельской лечебнице и звенигородской земской больнице. Вел прием больных, делал вскрытия, участвовал в судебной экспертизе.

Закончил и отдал в газету «Новости дня» большую повесть «Драма на охоте».

Сентябрь. На двери квартиры Чеховых в Москве появилась табличка: «Доктор А. П. Чехов».

Занимался врачебной практикой и задумал ученый труд – «Врачебное дело в России». Работа на степень доктора медицины не была закончена; сохранилось множество выписок из разных источников, главным образом из летописей, различных сборников и книг по древнерусской истории и фольклору.

Ноябрь – декабрь. В качестве репортера «Петербургской газеты» посещал Московский окружной суд, где слушалось дело И. Г. Рыкова о хищениях в Скопинском банке под Москвой.

7 декабря. Вынужден прекратить работу из-за сильного легочного кровотечения.

8 1884 году было опубликовано 105 рассказов, юморесок и фельетонов Чехова, в том числе «Орден», «Марья Ивановна», «Жалобная книга», «Альбом», «Брожение умов», «Хирургия», «Хамелеон», «Винт», «Маска», «Свадьба с генералом», «Устрицы», «Страшная ночь», – в «Осколках», «Будильнике», «Русском сатирическом листке», «Новостях дня», «Волне», «Московском листке», «Развлечении», «Стрекозе».

1885

31 января. Написал в Таганрог дяде, М. Е. Чехову: «Знакомых у меня очень много, а стало быть, немало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти- и трехрублевки».

Мечтает побывать в Таганроге: «Я уверен, что, служа в Таганроге, я был бы покойнее, веселее, здоровее, но такова уж моя «планида», чтобы остаться навсегда в Москве... Тут мой дом и моя карьера... Служба у меня двоякая. Как врач, я в Таганроге охалатился бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий, я имею смысл только в столице».

Апрель. Приглашен на постоянную работу (рассказ для каждого понедельника) в «Петербургскую газету».

6 мая. Дебют в «Петербургской газете» – рассказ «Последняя могижанша». Затем в течение года были напечатаны: «Дипломат», «Сапоги», «Налим», «Лошадиная фамилия», «Егерь», «Злоумышленник», «Отец семейства», «Кухарка женится», «Кляузник» («Унтер Пришибеев»), «Мертвое тело», «Контрабас и флейта», «Писатель», «Горе» и др.

Лето. Провел в имении Киселевых Бабкино близ Воскресенска. Встречи с И. И. Левитаном, жившим неподалеку, в деревне Максимовка. Левитан подарил Чехову картину «Река Истра» (находится ныне в ялтинском Доме-музее).

М. П. Чехов писал в книге «Вокруг Чехова»: Воскресенск и Бабкино сыграли «выдающуюся роль в развитии таланта Антона Чехова. Не говоря уже о действительно очаровательной природе, где к нашим услугам были и большой английский парк, и река, и леса, и луга», а из Воскресенска, из Нового Иерусалима, доносился бархатный звон колокола, – и самые люди собрались в Бабкине точно на подбор. Получались решительно все толстые журналы: Киселевы были очень чутки ко всему, что относилось к искусству и литературе; В. П. Бегичев так и сыпал воспоминаниями; знаменитый в свое время тенор М. П. Владиславлев пел модные романсы, а Е. А. Ефремова каждый вечер знакомила с Бетховеном и другими великими музыкантами. Тогда композитор П. И. Чайковский, только что еще начавший входить в славу, занимал бабкинские умы. Мария Владимировна Киселева рассказывала удивительные истории. Между прочим, рассказом «Смерть чиновника» Антон Чехов обязан случаю, рассказанному В. П. Бегичевым и действительно имевшему место в московском Большом театре. В «Налиме» действие происходило при постройке купальни, «Дочь Альбиона» – мисс Матьюз, гувернантка приезжавших в Бабкино гостей, «Недоброе дело» и «Ведьма» навеяны одинокой церковью с сторожкой, стоявшей на большой дороге в Дарагановском лесу.

Сентябрь. Петербургский цензурный комитет запретил печатать в «Осколках» рассказ «Сверхштатный блюститель» («Унтер Пришибеев»), а драматическая цензура – одноактную пьесу «На большой дороге».

Октябрь. Н. А. Лейкин возвратил Чехову не пропущенный цензурой рассказ «Звери»; рассказ вскоре был напечатан в «Петербургской газете» под названием «Циник».

Декабрь. Первая поездка в Петербург. Жил у Н. А. Лейкина. Знакомство с редакцией «Петербургской газеты», А. С. Сувориным, Д. В. Григоровичем, В. В. Билибиным.

«Я был поражен приемом, который оказали мне питерцы. Суворин, Григорович, Буренин... все это приглашало, воспевало... и мне жутко стало, что я писал небрежно, спуская рукава» (Ал. П. Чехову, 4 янв. 1886 г.). Договорился с Н. А. Лейкиным об издании книги рассказов.

Прекратилось сотрудничество Чехова в «Стрекозе», «Развлечении», «Волне», «Московском листке». В «Осколках», «Будильнике», «Петербургской газете», «Новостях дня» за 1885 год было опубликовано 133 рассказа, юморески и фельетона.

1886

2 января. Получил приглашение работать в газете «Новое время».

20 января. В «Петербургской газете» напечатан рассказ «Детвора».

Январь – февраль. Сбирал и редактировал рассказы для книги, издаваемой редакцией «Осколков». Заглавие книги – «Пестрые рассказы» – обсуждалось с Н. А. Лейкиным; принадлежит оно самому Чехову и созвучно с названием книги софиста Клавдия Элиана, римлянина, писавшего на греческом языке (ок. II в. н. э.). С фрагментами из «Пестрых рассказов» Элиана знакомились в классических гимназиях по хрестоматиям; на русском языке книга дважды выходила в переводе Ивана Сичкарева (М., 1773, 1787).

15 февраля. Дебют в «Новом времени» – рассказ «Панихида». Подписан именем: Ан. Чехов.

20 февраля. Написал Н. А. Лейкину: «Суворин назначил мне 12 коп. со строки. Но от этого мои доходы нисколько не увеличатся. Больше того писать, что я теперь пишу, у меня не хватит ни времени... ни энергии...»

8, 15 марта. В «Новом времени» – рассказы «Ведьма», «Агафья».

12 марта. В журнале «Сверчок» – рассказ «Шуточка».

25 марта. Письмо Д. В. Григоровича: «...у Вас *настоящий* талант, – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения». Григорович советовал бросить срочную работу: «Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики» – и поставить на выходящей скоро книге не псевдоним Чехонте, а настоящее имя.

28 марта. Ответил Д. В. Григоровичу благодарным письмом: «Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость...»

Март. В большом письме старшему брату, Николаю Павловичу, изложил «кодекс воспитанного человека». Н. П. Чехов был наделен своеобразным и ярким художественным дарованием, но работал мало и без особой охоты; он рано пристрастился к беспечальному богемному житью-бытью, не тяготился вечным безденежьем и не чувствовал никакой ответственности перед семьей («Гибнет хороший, сильный, русский талант», – писал Чехов другому брату, Александру Павловичу, в феврале 1883 года.) В письме к Николаю, прямом и резком, он попытался воздействовать на брата в духе той строгой ответственности, трезвости и дисциплины, которых придерживался сам.

Николай искал оправданий, говорил о непонимании, и Чехов писал ему: «Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!!». На это даже Гете и Ньютон не жаловались... Жаловался только Христос, но тот говорил не о своем «я», а о своем учении... Тебя отлично понимают...»

Беды у них в самом деле были общие: «сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах... Победить ее трудно...»

Чехов просил брата вернуться к заброшенным работам (среди которых были иллюстрации к Достоевскому), воспитывать в себе привычку к труду и отвращение к тем житейским «мелочам», которые лишали человека всякой воли и в конце концов отнимали жизнь: воспитанные люди «не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи...»

Нужна опрятность, которая, как ни странно, дается совсем не легко, – опрятность светлых проветренных комнат, прибранных обеденных и рабочих столов, спален, одежды, чистых сухих рук, отношений с женщиной и самой женственности.

Нужна душевная опрятность, спокойный и ровный тон в отношениях с людьми, особенно в семье, среди домашних, где ярко раскрываются крайности характеров, распушенность, неуравновешенность, где живут без вины виноватые близкие, на которых срываются бурные настроения, скука и злость.

Нужно видеть себя со стороны, чтобы вырваться из тины мелочей, из обжитого и посвоему уютного и теплого болота заурядности, которое засасывает людей незаметно и быстро, не оставляя от них никакого следа.

Не следует, наконец, усложнять жизнь, и тогда, быть может, удастся понять, каких она стоит трудов и как она сложна в действительности. Быть может, жизнь и в самом деле бесценный дар, но, во всяком случае, это дар не бесплатный: «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

Это письмо Чехова к брату впоследствии было названо «кодексом воспитанного человека».

5 апреля. В журнале «Осколки» напечатан рассказ «Гриша».

13 апреля. Рассказ «Святою ночью» в газете «Новое время».

25 апреля – 8 мая. Чехов второй раз в Петербурге.

Вернувшись, снова уехал на лето в имение Киселевых – Бабкино. Вскоре в Бабкино переселился из Максимовки И. И. Левитан. Живя в Бабкине, написал для детей Киселевых шуточный рассказ «Сапоги всмятку», наклеив в текст смешные картинки из разных журналов.

Май. Вышла книга «Пестрые рассказы».

В журнале «Северный вестник» – «ядовитая» рецензия А. М. Скабичевского: «...вообще книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства». В «Санкт-Петербургских ведомостях» – сочувственная рецензия Н. Ладожского (В. К. Петерсена), в «Петербургской газете» – В. В. Билибина: «Можно смело сказать, что г. Чехов обладает крупным и притом весьма симпатичным талантом, выдвигающим его из рядов «наших молодых беллетристов». Другие отзывы тоже разноречивы (появлялись в течение всего года). Автор «чувствовал себя костью, которую бросили собакам...». Н. А. Лейкину Чехов написал: «Про мою книгу заговорили толстые журналы. «Новь» выругала и мои рассказы назвала бредом сумасшедшего, «Русская мысль» похвалила, «Северный вестник» изобразил мою будущую плачевную судьбу на 2-х страницах, впрочем, похвалил...»

Июль – август. Получил приглашение дать рассказ в журнал «Русская мысль». (Сотрудничество началось позднее, в 1892 году.)

27 августа. В Москве поселился на новом месте – в доме Я. А. Корнеева по Садовой-Кудринской (ныне – Дом-музей А. П. Чехова).

24 ноября. Рассказ «Событие» напечатан в «Петербургской газете».

25 декабря. В «Петербургской газете» – рассказ «Ванька».

Декабрь. В течение двух недель работал над рассказом «На пути» (для «Нового времени»).

В журнале «Русское богатство» – статья Л. Е. Оболенского «Обо всем. Критическое обозрение»: «Чехов принадлежит к числу художников, которые не сочиняют сюжетов, а находят их всюду в жизни...» Чехов читал эту статью и написал М. В. Киселевой: «Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко... Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков – такого примера еще не было...»

В журналах и газетах за 1886 год напечатано 112 рассказов, сценок, юморесок и фельетонов Чехова.

1887

4—11 января. Участвовал во Втором съезде русских врачей имени Н. И. Пирогова.

14 января. Написал М. В. Киселевой: «В новогодних номерах все газеты поднесли мне комплимент...»

17 января. В день своих именин написал брату, Ал. П. Чехову: «Рад бы вовсе не работать в «Осколках», так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее или вовсе не работать».

Февраль. У Чехова – В. Г. Короленко (проездом из Нижнего Новгорода в Петербург).

Март. А. С. Суворин предложил Чехову издать сборник рассказов, напечатанных в «Новом времени».

18 марта. В письме к Суворину – о намерении посвятить новую книгу («В сумерках») Д. В. Григоровичу.

Путешествие в детство

2 апреля. Уехал на юг, Чтобы обновить впечатления от степи. Побывал в Таганроге, Рагозиной Балке, Новочеркаске, Славянске, на хуторе у П. А. Сергеенко в Екатеринославской губернии, Святых Горах. Путешествие продолжалось полтора месяца.

Эта поездка по Донским степям и Приазовью, связанная с замыслом повести «Степь», отразилась в письмах, напоминающих подробный дневник: путевые зарисовки чередовались здесь с воспоминаниями детства, и, как тому и следовало быть, реальность мало походила на воспоминания. Тот, кто вырос или бывал в Приазовских степях, кто видел их в июльские знойные дни, когда ветер пересыпает на проселке змеистые барханчики пыли, похожей на черную пудру, а вокруг ни кустика, ни цветка, ни единой зеленой травинки, тот знает, как непривлекательна и безотраднa в разгаре лета настоящая – так сказать, «дочеховская» – степь. В повести очень мало этнографического: ее поэтическая содержательность, жалоба ее трав, ее зарницы, грозы, древние дороги и сказочные великаны, крылья мельницы и одиночество тополя – все это уходит в глубины времен, к вечным истокам наших сказок и мифов. В этом смысле можно сказать, что Чехов создал и саму степь: столь одушевленной, таинственной и прекрасной она была, может быть, только в памятниках нашей словесности, сохранившихся от незапамятных времен.

Ниже приводятся отрывки из писем Чехова.

«7 апреля. Харцызская. 12 часов дня. Погода чудная. Пахнет степью, и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей – коршунов, летающих над степью...

Курганчики, водокачки, стройки – всё знакомо и памятно... Погода чертовски, возмутительно хороша. Хохлы, волы, коршуны, белые хаты, южные речки, ветви Донецкой дороги с одной телеграфной проволокой, дочки помещиков и арендаторов, рыжие собаки, зелень – всё это мелькает, как сон...

...Видно море. Вот она, ростовская линия, красиво поворачивающая, вот острог, богадельня, дришпаки, товарные вагоны... гостиница Белова, Михайловская церковь с топорной архитектурой... Меня встричаить Егорушка, здоровеннейший парень, одетый франтом: шляпа, перчатки в 1 р. 50 к., тросточка и проч. Я его не узнаю, но он меня узнает. Нанимает извозчика, и едем. Впечатления Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий – сонные дришпаки и головы дынькой. Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены... С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской. Подъезжаем...

– Ета, ета, ета... Антошичка...

– Ду-ушенька!

Возле дома – лавка, похожая на коробку из-под яичного мыла. Крыльцо переживает агонию, и парадного в нем осталось только одно – идеальная чистота. Дядя такой же, как и был, но заметно поседел. По-прежнему ласков, мягок и искренен. Людмила Павловна, «радая», забула засыпать дорогого чая и вообще находит нужным извиняться и отбредиваться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осужу ли? Но при всем том рада угостить и обласкать. Егорушка – малый добрый и для Таганрога приличный. Франтит и любит глядеться в зеркало. Купил себе за 25 р. женские золотые часы и гуляет с барышнями. Он знаком с Мамаки, с Горошкой, с Бакитькой и другими барышнями, созданными исключительно для того только, чтобы пополнять в будущем вакансии голов дыньками. Владимирчик, наружно напоминающий того тощего и сутуловатого Мищенко, который у нас был, кроток и молчалив; натура, по-видимому, хорошая. Готовится в светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была, а Леля мало отличается от Саши. Что сильно бросается в глаза,

так это необыкновенная ласковость детей к родителям и в отношениях друг к другу. Ирина потолстела. В комнатах то же, что и было: портреты весьма плохие и Коатсы с Кларками, распаханные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканность, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате, дядя, Людмила Павловна и Саша – в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинают они, вероятно, умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни, и из печей, которые всё еще топят, несмотря на теплое время... Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель.

Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?! Кстати: Селиванов живет в имении, а его Саша в изгнании...

Напиваюсь чаю и иду с Егором на Большую улицу. Вечереет. Улица прилична, мостовые лучше московских. Пахнет Европой. Налево гуляют аристократы, направо – демократы. Барышень чертова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки... Мода: платья оливкового цвета и кофточки. Не только аристократия (т. е. паршивые греки), но даже вся Новостроенка носит этот оливковый цвет. Турнюры не велики. Только одни гречанки решаются носить большие турнюры, а у остальных не хватает на это смелости.

Вечером я дома. Дядя облачается в мундир церковного сторожа. Я помогаю ему надеть большую медаль, которую он раньше ни разу не надевал. Смех. Идем в Михайловскую церковь. Темно. Извозчиков нет. По улицам мелькают силуэты дришпаков и драгилей, шатающихся по церквям. У многих фонарики. Митрофаньевская церковь освещена очень эффектно, снизу до верхушки креста. Дом Лободы резко выделяется в потемках своими освещенными окнами.

Приходим в церковь. Серо, мелко и скучно. На окнах торчат свечечки – это иллюминация; дядино лицо залито блаженнейшей улыбкой – это заменяет электрическое солнце. Убранство церкви не ахтительное, напоминающее Воскресенскую церковь. Продаем свечи. Егор, как фронт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке...

Крестный ход. Два дурака идут впереди, машут бенгальскими огнями, дымят и осыпают публику искрами. Публика довольна. В притворе храма стоят создатели, благотворители и почитатели храма сего, с дядей во главе, и с иконами в руках ждут возвращения крестного хода... На шкафу сидит Владимирчик и сыплет в жаровню ладан. Дым такой, что вздохнуть нельзя. Но вот входят в притвор попы и хоругвеносцы. Наступает торжественная тишина. Взоры всех обращены на о. Василия...

– Папочка, еще подсыпать? – вдруг раздается с высоты шкафа голос Владимирчика...

Еду к Еремееву, не застаю и оставляю записку. Отсюда к m-те Зембулатовой. Пробираясь к ней через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, уменье довольствоваться грошами и неопределенным будущим – всё это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной...

6 апрель. Просыпаюсь в 5 часов. Небо пасмурно. Дует холодный, неприятный ветер, напоминающий Москву. Скучно. Жду соборного звона и иду к поздней обедне. В соборе очень мило, прилично и не скучно. Певчие поют хорошо, не по-мещански, а публика всплошную состоит из баришень в оливковых платьях и шоколатных кофточках...»

«7, 8, 9 и 10 апрель. Скучнейшие дни. Холодно и пасмурно... Постоянное чувство неудобной лагерной жизни, а тут еще непрерывное «ета... ета... ета... да ты мало ел, да ты ба покушал... да я забула засипать хорошего чаю»... Одно только утешение: Еремеев с женой

и с своей удобной квартирой... Судьба шадит меня: я не вижу Анисима Васильича и еще ни разу не был вынуждаем говорить о политике. Если встречу с Анисимом Васильичем, то – пулю в лоб...

Выехать нельзя, ибо холодно, да и хочется поглядеть на проводы. 19-го и 20-го я гуляю и шаферствую в Новочеркасске на свадьбе, а раньше и позднее буду у Кравцова, где неудобства жизни в 1000 раз удобнее таганрогских удобств.

11 апреля. Пьянство у Еремеева, потом поездка компанией на кладбище и в Карантин. Был в саду. Играла музыка. Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в Сокольниках. Круг битком набит.

Каждый день знакомлюсь с девицами, т. е. девицы ходят к Еремееву поглядеть, что за птица Чехов, который «пишит». Большинство из них недурны и неглупы, но я равнодушен...

Видел похороны. Неприятно видеть раскрытый гроб, в котором трясется мертвая голова. Кладбище красиво, но обокрадено. Памятник Котопули варварски ошипан. О. Павел по-прежнему черен, фронт и не унывает: пишет на весь мир доносы и бранится. Идет он по рядам и видит Марфочку, сидящую около своей лавки.

– Какого чччерта вы тут сидите? – говорит он ей. – Черт знает, как холодно, а вы не запираетесь! Чччерта вы уторгуете в такой холод!

Дядя ездит с ревизором. Ревизор – податной инспектор – играет тут такую роль, что Людмила Павловна дрожит, когда видит его, а Марфочка едва не выкрасила свои турнюры в желтый цвет от радости, когда он пригласил ее в кумы. Заметно, большой пройдоха и умеет пользоваться своим положением. Выдает себя за генерала, в каковой чин веруют и дядя и Лободины.

Покровский – благочинный. В своем муравейнике он гроза и светило. Держит себя архиереем. Его матушка мошенничает в картах и не платит проигрыша».

«25 апрель. Сейчас еду из Черкаска в Зверево, а оттуда по Донецкой дороге к Кравцову. Вчера и третьего дня была свадьба, настоящая казацкая, с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой. Такая масса пестрых впечатлений, что нет возможности передать в письме, а приходится откладывать описание до возвращения в Москву. Невесте 16 лет. Венчали в местном соборе. Я шаферствовал в чужой фрочной паре, в широчайших штанах и без одной запонки, – в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффективнее всех...

Девицы здесь – сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из зала, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: «У, негодный!», причем не переставала сохранять испуганное выражение лица. Я научил ее говорить кавалерам: «Как ви наивны!»

Молодые, вероятно, в силу местного обычая, целовались каждую минуту, целовались взасос, так что их губы всякий раз издавали треск от сжатого воздуха, а у меня получался во рту вкус приторного изюма и делался спазм в левой икре. От их поцелуев воспаление на моей левой ноге стало сильнее».

«30 апр. Теплый вечер. Тучи, а потому зги не видно. В воздухе душно и пахнет травами.

Живу в Рагозиной Балке у Кравцова. Маленький домишко с соломенной крышей и сараи, сделанные из плоского камня. Три комнаты с глиняными полами, кривыми потолками и с окнами, отворяющимися снизу вверх... Стены увешаны ружьями, пистолетами, шашками и нагайками. Комоды, подоконники – все завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мне приходится на чахоточном диване, очень жестком и необитом...

Население: старик Кравцов, его жена, хорунжий Петр с широкими красными лампасами, Алеха, Хахко (т. е. Александр), Зойка, Нинка, пастух Никита и кухарка Акулина. Собак бесчисленное множество, и все до одной злые, бешеные, не дающие проходу ни днем, ни ночью. Приходится ходить под конвоем, иначе на Руси станет одним литератором меньше. Зовут собак

так: Мухтар, Волчок, Белоножка, Гапка и т. д. Самый проклятый – это Мухтар, старый пес, на роже которого вместо шерсти висит грязная пакля. Он меня ненавидит и всякий раз, когда я выхожу из дому, с ревом бросается на меня.

Теперь о еде. Утром чай, яйца, ветчина и свиное сало. В полдень суп с гусем – жидкость, очень похожая на те помои, которые остаются после купанья толстых торговков, – жареный гусь с маринованным терном или индейка, жареная курица, молочная каша и кислое молоко. Водки и перцу не полагается. В 5 часов варят в лесу кашу из пшена и свиного сала. Вечером чай, ветчина и все, что уцелело от обеда. Пропуск: после обеда подают кофе, приготовляемый, судя по вкусу и запаху, из сжаренного кизяка.

Удовольствия: охота на дудаков, костры, поездки в Ивановку, стрельба в цель, травля собак, приготовление пороховой мякоти для бенгальских огней, разговоры о политике, постройка из камня башен и проч.

Главное занятие – рациональная агрономия, введенная юным хорунжим, выписавшим от Леухина на 5 р. 40 к. книг по сельскому хозяйству. Главная отрасль хозяйства – это сплошное убийство, не перестающее в течение дня ни на минуту. Убивают воробьёв, ласточек, шмелей, муравьёв, сорок, ворон, чтобы они не ели пчел; чтобы пчелы не портили цвета на плодовых деревьях, бьют пчел, а чтобы деревья эти не истощали почвы, вырубают деревья. И таким образом получается круговорот, хотя и оригинальный, но основанный на последних данных науки.

К одру отходим в 9 часов вечера. Сон тревожный, ибо на дворе воют Белоножки и Мухтары, а у меня под диваном неистово лает им в ответ Цетер. Будит меня стрельба: хозяева стреляют в окна из винтовок в какое-нибудь животное, наносящее вред хозяйству. Чтобы выйти ночью из дому, нужно будить хорунжего, иначе собаки изорвут в клочья, так что сон хорунжего находится в полной зависимости от количества выпитого мною накануне чая и молока.

Погода хорошая. Трава высока и цветет. Наблюдают пчел и людей, среди которых я чувствую себя чем-то вроде Миклухи-Маклая. Вчера ночью была очень красивая гроза.

Что у нас тут роскошно, так это горы...

Недалеко шахты. Завтра рано утром еду в Ивановку (23 версты) за письмами, на дрогах и в одну лошадь...

Едим индюшачьи яйца. Индейки несутся в лесу на прошлогодних листьях. Кур, гусей, свиней и пр. тут не режут, а стреляют»³.

«11 май. С трепетом продолжаю. От Кравцова я поехал в Святые Горы. До Азовской дороги пришлось ехать по Донецкой от ст. Крестная до Краматоровки...

Я оказался настолько находчивым и сообразительным, что поездов не смешал и благополучно доехал до Краматоровки в 7 часов вечера. Здесь духота, угольный запах, дама жидовка с кислыми жиденятами и 1¹/₂ часа ожидания. Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск. Темный вечер. Извозчики отказываются везти ночью в Святые Горы и советуют переночевать в Славянске, что я и делаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитым и хромаю от боли, как 40 000 Лейкиных. От вокзала до города 4 версты за 30 коп. на линейке. Город – нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца... на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядывают приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек, мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармонийка, визг какой-то бабы... Остановился я в гостинице Куликова, где взял № за 75 коп. После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомойник... В открытое настежь окно прут зеленые ветки, веет зефир... Потягиваясь и жмурясь, как кот, я требую поесть, и мне за 30 коп. подают здо-

³ Стрельба непрерывная. (Примеч. Чехова.)

ровнейшую, больше, чем самый большой шиньон, порцию ростбифа, который с одинаковым правом может быть назван и ростбифом, и отбивной котлетой, и бифштексом, и мясной подушкой, которую я непременно подложил бы себе под бок, если бы не был голоден, как собака и Левитан на охоте.

Утром чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) и местном соборе звон. Выпускают из обедни. Вижу, как выходят из церкви квартальные, мировые, воинские начальники и прочие чины ангельстии. Покупаю на 2 коп. семечек и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску в Святые Горы и (через 2 дня) обратно. Еду из города переулочками, буквально тонущими в зелени вишен, жерделей и яблонь. Птицы поют неугомонно. Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки, мой возница Григорий Поленичка то и дело прыгает с козел, чтобы поправить сбрую или стегнуть по мальчишкам, бегущим за коляской. . . По дороге тянутся богомольцы. Всюду горы и холмы белого цвета, горизонт синевато-бел, рожь высока, попадаются дубовые леса – недостает только крокодилов и гремучих змей.

В Святые Горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх. . . Сосны буквально висят в воздухе и, того гляди, свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем, ни ночью. . .

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мне весьма несимпатичный № с блинообразным матрасиком. Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев, из коих $\frac{8}{9}$ старухи. До сих пор я не знал, что на свете так много старух, иначе я давно бы уже застрелился. . . О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов и старух, сообщу в «Новом времени» и при свидании. Служба нескончаемая: в 12 часов ночи звонят к утрени, в 5 – к ранней обедне, в 9 – к поздней, в 3 – к акафисту, в 5 – к вечерне, в 6 – к правилам. Перед каждой службой в коридорах слышится плач колокольчика и бегущий монах кричит голосом кредитора, умоляющего своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Пожалуйте к утрени!

Оставаться в № неловко, а потому встаешь и идешь. . . Я облюбывал себе местечко на берегу Донца и просиживал там все службы. Купил тетке Федосье Яковлевне икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно.

Звон замечательный. Певчие плохи. Участвовал в крестном ходе на лодках.

Прекращаю описание Святых Гор, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь».

20 апреля. Прочитав в «Новом времени» рассказ «Миряне», П. И. Чайковский написал автору о «своей радости обрести такой свежий и самобытный талант».

18 мая. Вернувшись в Москву, Чехов уехал на лето в Бабкино.

6 июня, 14 июля. В «Новом времени» – степные рассказы «Счастье» и «Перекасти-поле (путевой набросок)».

Июль. Задумал роман. Рассказывал его сюжет А. С. Лазареву-Грузинскому.

Начало августа. Вышла книга «В сумерках. Очерки и рассказы» (в издательстве А. С. Суворина; переиздавалась до 1899 года 12 раз).

Отклики на книгу были в основном положительные (собраны в кн.: А. П. Чехов. В сумерках. М.: Наука, 1986. С. 257–377).

«Новый томик очерков и рассказов г. Чехова не составляет нового шага вперед со стороны автора. По-прежнему читателя приятно поражает в лучших из рассказов этого писателя теплое чувство, соединенное с чувством меры, и довольно тонкая ирония» (В. А. Гольцев).

«В сумерках задуманы автором его рассказы, но написаны они при ярком солнечном свете, ибо полны красок, образности, картинности, жизни и теплоты» (В. В. Билибин).

«Г-н Чехов талантливый человек, талант его своеобразен и симпатичен, но до сих пор достаточно выяснилась только одна сторона этого своеобразного и симпатичного таланта, сторона, для которой сам автор подсказывает характеристику заглавием своего нового сборника, – «сумеречное творчество». Именно сумеречное и, значит, пожалуй, полутворчество. Г-н Чехов только завязывает узлы и никогда их не развязывает» (Н. К. Михайловский).

Чехов отозвался о рецензиях: «Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? «Талант! талант, но тем не менее упокой, Господи, его душу», – таков смысл рецензий».

29 августа. В «Новом времени» напечатан рассказ «Свирель».

Сентябрь. Передал издателям журнала «Сверчок», братьям Вернерам, 21 рассказ для сборника «Невинные речи». Книга вышла 27 октября.

Принял предложение Ф. А. Корша написать для его театра пьесу («Иванов»).

28 сентября. В «Петербургской газете» – рассказ «Беглец».

5 октября. Комедия «Иванов» закончена.

Октябрь. Спрашивал брата в письме, согласится ли Суворин напечатать в «Новом времени» роман, «не скучный, но в толстый журнал не годится, ибо в нем фигурируют председатель и члены военно-окружного суда, т. е. люди нелиберальные». Замысел остался неосуществленным; неизвестна и рукопись объемом в 1500 строк, упоминавшаяся в этом письме.

19 ноября. Премьера пьесы «Иванов» в театре Корша. Главную роль исполнял В. Н. Давыдов.

«Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия».

Газетные статьи о премьере тоже противоречивы: резкая рецензия «Московского листка» (П. Кичеев); положительная – в «Новом времени» (А. Д. Курепин); в основном сочувственная – в «Московских ведомостях»: автор «не справился со своим героем», «тем не менее пьеса смотрится с интересом и удовольствием, ибо при всей неопытности автора в ней сказывается талант и выведены живые лица» (С. В. Флеров; псевдоним С. Васильев).

29 ноября – 15 декабря. Чехов в Петербурге. Встречи с В. Г. Короленко, Н. К. Михайловским, И. Л. Леонтьевым (Щегловым), А. Н. Плещеевым, И. Е. Репиным.

5 декабря. В «Осколках» – рассказ «Лев и Солнце». Постоянное сотрудничество Чехова в журнале на этом прекратилось.

21 декабря. Рассказ «Мальчики» в «Петербургской газете».

25 декабря. В «Новом времени» – рассказ «В ученом обществе» («Каштанка»).

Всего в 1887 году в журналах и газетах было напечатано 64 рассказа Чехова.

1888

1 января – 2 февраля. Работа над повестью «Степь».

«Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику».

22 января. Написал рассказ «Спать хочется».

3 февраля. Намеревался, если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, продолжать ее (не осущ.).

8 февраля. А. Н. Плещеев, бывший членом редакции журнала «Северный вестник», написал о впечатлении от «Степи»: «Не мог оторваться, начавши читать... Короленко тоже... Это такая прелесть, такая бездна поэзии... Это вещь захватывающая, и я предсказываю Вам большую, большую будущность».

9 февраля. Написал А. Н. Плещееву, что уже готовы три листа романа.

10 февраля. Чехов на свадьбе у поэта И. А. Белоусова познакомился с Н. Д. Телешовым.

15 февраля. Критик Н. К. Михайловский в письме убеждал Чехова разорвать с «Новым временем», «Осколками» и пр.

«Читая «Степь»⁴, я все время думал, какой грех Вы совершали, разрываясь на клочки, и какой это будет уж совсем страшный, незамолимый грех, если Вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует».

Около 20 февраля. Чехов написал водевиль «Медведь».

Начало марта. В журнале «Северный вестник» напечатана «Степь».

«Гаршин от нее без ума. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти» (А. Н. Плещеев – Чехову, 10 марта 1888 г.).

14–21 марта. Чехов в Петербурге. Договорился с А. С. Сувориным об издании новой книги рассказов.

24 марта. Материал для сборника «Рассказы» отправлен в Петербург.

Март – июль. Многочисленные отзывы о «Степи» в газетах и журналах.

Общее мнение критики: повесть «скучна», представляет собою цепь картинок, «вставленных в слишком просторную раму», Чехов не сладил с большой художественной формой. Не обнаружив в «Степи» ясно выраженной идеи, связанной с каким-нибудь лицом, критика упрекала автора в том, что «все персонажи повествования связаны между собою чисто внешним образом». Глубоко новаторская по своему характеру повесть, поставленная в рамки традиционных представлений и тривиального литературного вкуса, воспринималась как вещь неудавшаяся. «И я не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант» (Н. К. Михайловский). Возникла идея о пантеизме Чехова – поклонении стихийной природе.

Беспорные художественные достоинства «Степи» заставили некоторых критиков говорить о высокой традиции, какой следовал Чехов, и сравнивать его с Гоголем, Тургеневым, Львом Толстым.

9 апреля. Чехов – А. Н. Плещееву: «Я давно уже печатаюсь, напечатал пять пудов рассказов, но до сих пор еще не знаю, в чем моя сила и в чем слабость».

5 мая. Уехал в Харьковскую губернию – имение Линтваревых на Луке близ Сум.

Летом путешествовал по Украине.

Май. Вышла в свет книга «Рассказы» (СПб., изд.

А. С. Суворина, 1888. До 1899 года переиздавалась еще 12 раз).

10 июля. Уехал в Феодосию, на дачу к Сувориным.

Июль. Задумал пьесу «Леший», предполагая писать ее вместе с А. С. Сувориным.

Знакомство с художником И. К. Айвазовским.

23 июля. Уехал на Кавказ. Посетил монастырь Новый Афон, Сухум, Поты, Батум, Тифлис, Баку.

13 августа. Решил, что роман «будет кончен года через три-четыре».

3 сентября. Возвратился в Москву.

Сентябрь – декабрь. Усиленная работа над рассказами «Именины», «Припадок» (для сборника «Памяти В. М. Гаршина»), «Княгиня». Переделал комедию «Иванов» в драму – в

⁴ В корректуре. – *Ред.*

связи с предстоящей постановкой на сцене Петербургского Александринского театра; начал рассказ, превратившийся позднее в повесть «Дуэль».

4 октября. Отправив в «Северный вестник» рассказ «Именины», изложил в письме к А. Н. Плещееву свою позицию: «Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им... Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

7 октября. Чехову присуждена академическая Пушкинская премия за сборник «В сумерках».

Мысль о премии подал поэт Я. П. Полонский, поддержали А. С. Суворин и Д. В. Григорович. Отзыв о книге дал академик А. Ф. Бычков.

20 октября. По поводу Пушкинской премии в письме А. С. Лазареву (Грузинскому): «Все мною написанное забудется через 5—10 лет; но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы...»

24 октября. Отправил в «Новое время» статью-некролог о Н. М. Пржевальском. С восхищением отзывался в ней о людях подвига, веры и ясно осознанной цели: «...таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно».

Конец октября. Написан водевиль «Предложение».

28 октября. Премьера «Медведя» в театре Корша. Большой успех: «...в театре стоял непрерывный хохот».

Декабрь. В Петербурге. Знакомство с П. И. Чайковским.

30 декабря. Подробное письмо А. С. Суворину об «Иванове», конфликте пьесы и ее персонажах.

В 1888 году в журналах и газетах было напечатано 12 рассказов, повестей и статей Чехова.
1889

1 января. В «Новом времени» – рассказ «Пари».

7 января. Письмо А. С. Суворину о необходимости для писателя чувства личной свободы. «Это чувство стало разгораться во мне только недавно».

31 января. Присутствовал на первом представлении пьесы «Иванов» в Александринском театре. Шумный успех; восторженные рецензии в газетах «Новое время», «Неделя», «Петербургская газета».

Начало февраля. Вернувшись в Москву, готовит к изданию новую книгу – «Хмурые люди».

«Черкаю безжалостно. Странное дело, у меня теперь мания на все короткое. Что я ни читаю – свое и чужое, все представляется мне недостаточно коротким».

Март. Работа над пьесой «Леший».

Пьеса «Иванов» напечатана в «Северном вестнике».

Работа над романом «Рассказы из жизни моих друзей» (каждый рассказ под своим заглавием).

7 марта. В письме литератору В. А. Тихонову – суждение о современных писателях: «Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восемьдесятые годы» или «конец XIX столетия». Некоторым образом, артель».

До 18 марта. Вышла из печати книга «Детвора» (СПб., изд. А. С. Суворина; до 1899 года, когда началось издание собрания сочинений, переиздавалась два раза). Включены рассказы: «Детвора», «Ванька», «Событие», «Кухарка женится», «Беглец», «Дома».

26 марта. В «Новом времени» напечатан рассказ «Княгиня».

9 апреля. В письме А. Н. Плещееву – о романе, который Чехов намеревался ему посвятить: «Цель моя – убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы...»

23 апреля. Уехал с больным братом Николаем в усадьбу Линтваревых – Луку (близ Сум).

4 мая. Признание в письме А. С. Суворину: «Ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару... В душе какой-то застой. Объясню это застоєм в своей личной жизни».

14 мая. В письме А. Н. Плещееву – о смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага...»

3 июля. После смерти брата Николая (17 июня) уехал в Одессу: приглашали артисты Малого театра, гастролировавшие там.

15 июля. Отменив намерение ехать за границу, отправился в Ялту. Работа над пьесой «Леший» и повестью «Скучная история» (первоначально «Мое имя и я»).

Прочитал рассказ Е. М. Шавровой «Софка» и, отредактировав, послал его в «Новое время».

Частые поездки в окрестности Ялты – Ливадию, Ореанду, Алупку, Симеиз, Мисхор, лесничество, водопад Учанс-Су. Ездил также в Бахчисарай, на Яйлу, в Балаклаву, Алушту, маяк Ай-Тодор, в Исар.

11 августа. Вернулся на Луку.

5 сентября. Возвратился в Москву.

Август – сентябрь. Закончена «Скучная история».

27 сентября. А. Н. Плещеев отозвался в письме о «Скучной истории»: «У Вас еще не было ничего столь сильного и глубокого, как эта вещь».

9 октября. Пьеса «Леший» отклонена к представлению на сценах императорских театров «неофициальным театральным комитетом» в силу несценичности: «Это прекрасная драматизированная повесть, а не драматическое произведение».

Октябрь. Переделывал рассказы для сборника «Хмурые люди». Написал П. И. Чайковскому, прося разрешения посвятить книгу ему.

14 октября. У Чехова – П. И. Чайковский. Обсуждали либретто оперы «Бэла» (замысел не осуществился).

Конец октября. Написал пьесу «Свадьба» (переделка рассказа «Свадьба с генералом»).

Ноябрь. Повесть «Скучная история (Из записок старого человека)» напечатана в «Северном вестнике».

Н. К. Михайловский считал, что это «лучшее и значительнейшее из всего, что до сих пор написал Чехов». Л. Е. Оболенский (псевдоним – Созерцатель) находил, что центральная в повести проблема – проблема «общей идеи»: «...без веры, без руководящей идеи жить нельзя». Многие критики обвиняли Чехова в пессимизме, приписывая самому автору «задумчиво-меланхолическое настроение», хандру и апатию старого профессора.

Ноябрь – декабрь. Редактировал рукописи разных авторов, присылаемые из «Нового времени» – «гимнастика для ума».

27 декабря. Премьера пьесы «Леший» в частном театре М. М. Абрамовой (театр Общества русских драматических артистов).

В периодической печати – отрицательные рецензии.

Конец декабря. У Чехова возникло решение отправиться на остров Сахалин. Началась подготовка к поездке.

1890

Начало января. Уехал в Петербург – по делам, связанным с поездкой на Сахалин.

По мнению Чехова, каторгу «надо видеть, непременно видеть, изучить самому. В ней, может быть, одна из самых ужасных нелепостей, до которых мог додуматься человек со своими условными понятиями о жизни и правде».

11 января. На представлении драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» в доме Приселковых (пьеса Толстого была запрещена к постановке на сцене): «Хорошо».

До 17 января. Читал литографированный оттиск «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого: «Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная... но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль».

26 января. Московская газета «Новости дня» сообщала: «Сенсационная новость. А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас... Это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и обратно».

9 марта. Собираясь на Сахалин, в письме А. С. Суворину, споря с ним, изложил мотивы поездки: «Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе».

17 марта. Закончил (переделал) пьесу «Леший» и отправил ее в «Северный вестник» (А. Н. Плещееву).

Конец марта. Вышел сборник «Хмурые люди», с посвящением П. И. Чайковскому (СПб., изд. А. С. Суворина; до 1899 года переиздавался 9 раз).

Н. К. Михайловский откликнулся на него в статье «Письма о разных разностях» («Русские ведомости», 18 апр.): «Нет, не «хмурых людей» надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве «холодную кровь»: г. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает».

1 апреля. В газете «Новое время» – рассказ «Воры».

10 апреля. Прочитав в журнале «Русская мысль» (№ 3) анонимную статью (принадлежала Е. С. Щепотьевой), где он вместе с Ясинским названы «жрецами беспринципного писания», отправил письмо редактору В. М. Лаврову: «Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был... Обвинение Ваше – клевета...»

Путешествие на Сахалин

21 апреля. Отъезд на Сахалин.

Маршрут: до Ярославля – по железной дороге, до Перми – пароходом по Волге и Каме; затем на лошадях, в лодках, на пароходах – Екатеринбург, Тюмень, Ишим, Кратный Яр, Дубровин, Томск, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, станция Лиственичная на берегу Байкала, Верхнеудинск, Чита, Нерчинск, Сретенск, Амур, Благовещенск, Хабаровск, Николаевск, мыс Джаор, Татарский пролив, бухта Де-Кастри на Сахалине, Александровский пост.

Об этом путешествии по самой далекой российской дороге – через Урал, через всю Сибирь, через земли Дальнего Востока – близкие думали с тревогой. Знали о недавних легочных кровотечениях, о тяжелой неизлечимой болезни, – тысячеверстное бездорожье, одиночество, холод, плохая еда могли лишь усилить ее. Позднее А. Измайлов, первый серьезный биограф Чехова, писал: «Может быть, нельзя сказать, как думали многие, что именно за эту поездку он расплатился раннею смертью, но она, без сомнения, далась ему тяжело и явилась подробностью биографии безусловно неблагоприятною и едва ли нужною».

Смысл этого путешествия оставался неясным, и, как всегда бывает в подобных случаях, выдвигались – и выдвигаются в наши дни – разнообразные домыслы и догадки. Почему? Через всю Россию с тяжелой болезнью легких – зачем? Писали, например, что Сахалин был для Чехова «своего рода Италией», где он хотел довершить свое понимание русской жизни. Вспоминалась литературная традиция – «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат «Паллада» Гончарова, но ясно было, что и традиция у Чехова другая – ничего не было общего между Италией и Сахалином, где «все в дыму, как в аду», да и предшественники его отправлялись совсем в другую сторону – в иные страны, к иным островам...

Чехов не похож на обычного писателя, затворника и книгочех. Он был подвижен, легок на подъем. Страсть к путешествиям и странничеству была у него в крови; никогда ничего лишнего ни в одежде, ни в быту: все мое ношу с собой. Дорога, дорожные сюжеты, попутные впечатления, столь обычные в его творчестве, – все это появлялось в постоянном общении с великим российским пространством.

«Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски, – писал Чехов А. С. Суворину 9 марта 1890 года, – мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст...»

Этот путь он прошел и сам: в его записных книжках есть помета, объясняющая, зачем это было нужно. «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья; если же оно проистекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то».

«Я сам себя командую, на собственный счет. На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом» (5 марта).

«Итак, значит, дорогой мой, я уезжаю в среду или, самое большое, в четверг. До свиданья до декабря. Счастливо оставаться. Деньги я получил, большое Вам спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что их положить, а на покупки в Японии у меня хватило бы денег, ибо я собрал достаточно».

У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей, кроме зубной боли, которая у меня непременно будет в дороге. Так как, если говорить о документах, я вооружен одним только паспортом и ничем другим, то возможны неприятные столкновения с предерживающими властями, но это беда преходящая. Если мне чего-нибудь не покажут, то я просто напишу в своей книге, что мне не показали – и баста, а волноваться

не буду. В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги» (15 апреля).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.